

Пять дней спустя Курама обнаружил себя сидящим, скрестив ноги, на крыше квартиры и пытающимся научить отродье упражнениям на контроль чакры.

Это были весьма растянувшиеся пять дней. Настойчивые доставания поднялись на самый верх списка приоритетов отродья — иными словами, оно занималось ими при каждой возможности — а когда Курама целенаправленно игнорировал его, эти доставания естественным образом переходили в их следующую стадию — отродье начинало дуться. Упрямо, глядя злыми глазами, дуться — что, в конечном счёте, отмечало конец кураминой возможности для прокрастинирования. Терпения Узумаки, в среднем, хватало на неделю, и, как только восторг сменялся колючей раздражительностью, послеобеденный сон Курамы начинал прерываться вёдрами воды.

Вёдрами воды, перемежающимися воплями.

Курама уже пережил это однажды, в двухнедельной войне Почему Курама Идёт или не Идёт в Академию, Когда Он Вместо Этого Мог Бы Спать Дообеда, которую отродье каким-то образом выиграло. Кураме вовсе не хотелось повторения, особенно с учётом того, что основной целью этого мероприятия было остаться в покое.

Ну, и потихоньку продвигаться в выполнении Плана по Разнесению Конохи в Пыль, разумеется, но к этому моменту его стандарты значительно упали, и он в основном просто отчаянно молился, чтобы его никто не трогал.

Курама вырвал страницу из своей тетради, поднял её перед отродьем и демонстративно потряс.

— Вот, — сказал он.

Отродье подалось вперёд и прищурилось.

— ...И что это значит?

— Первая часть создания дзюцу, — недовольно выдавил из себя Курама. — Это контроль чакры.

— Странная стрёмная энергия?

Странная стрёмная энергия. Это так они описывают её в учебниках? Ничего удивительного, что люди были такими бесполезными.

— Нет, — сказал он, после чего осознал, что теперь ему придётся в понятной манере объяснить, из чего именно состоит чакра, и передумал. Длинные слова не были сильной стороной отродья. — В смысле, да. Вроде того. Я полагаю. Если растянуть понятие, — сильно растянуть понятие.

Честное слово, отродье всё равно лучше понимало визуальные демонстрации. Курама жестом просигнализировал ему подойти поближе, что оно сделало, после чего село, растянув ноги на грубом цементе, в то время как Курама приложил лист бумаги к тыльной стороне своей ладони. Он протянул к нему струйку чакры. Совсем чуть-чуть — у Курамы её с самого начала было немного. Той порции, которая не была закрыта за стенами нерушимых печатей, было едва достаточно, чтобы нагреть кружку воды. Курама осторожно направил чакру к участку кожи, к которому приложил листок. Он почувствовал, как бумага расправляется. Энергия вытянула страницу, сделав её совершенно плоской, и когда Курама был удовлетворён результатом, он вытянул руку в сторону отродья.

— Попробуй за неё потянуть, — сказал он.

— Ла-а-адно? — с сомнением ответило отродье и ущипнуло за листок бумаги, одновременно щипая руку Курамы — ауч — и потянуло.

— Я сказал, потянуть, — взвизгнул Курама, отдёргивая руку. — Не ущипнуть!

— Без разницы. Что вообще должно произойти?

— Ты увидишь, если попробуешь потянуть.

Оно попробовало. Схватилося за край листа, повернуло кисть и не столько потянуло, сколько попыталось порвать. Бумага не поддалась.

Даже после того, как отродье перевернуло ладонь Курамы бумагой вниз, листок остался на месте. Оно потёрло большим пальцем по краю листа, сосредоточенно сморщив брови.

— Она не мокрая, — пробормотало отродье. — Хах. Но, эм... каким образом это супер круто? — оно с сомнением оглядело листок. Его нос сморщился. — Я с клеем могу и лучше.

— Если ты сможешь делать такое со своими ногами, постоянно, то ты будешь способен ходить по стенам, — мрачно сказал Курама.

Это зацепило внимание отродья. Его рот открылся в идеальную "О", а потом он потянулся, чтобы выхватить тетрадь из хватки отродья.

— Правда?

Резкое щ-шт рвущейся бумаги, и отродье уже прихлопнуло страницу себе на предплечье, придерживая её другой рукой и глядя на листок с полным сосредоточением. Как только оно отпустило его, бумага с шуршанием была унесена прочь ветром.

Отродье вскочило на ноги и прыгнуло за ним, опустилось вниз и в итоге приземлилось лицом в пол в нескольких метрах в стороне.

— Не так, — вздохнул Курама тоном, которым обычно говорят "угх". Он подождал, пока отродье не прибежало обратно, сжав бумагу в кулаке, прежде чем притянуть его к себе и опустить ладонь на его руку. Чакра — уплотнённое тепло — потекла под кожей Курамы. Он выпустил искорку наружу, позволил ей утонуть в системах отродья. Энергия, циркулирующая по его каналам всё равно на девяносто процентов принадлежала Кураме — резкий поток ветрено-огненной силы, полностью подавляющий голубые нити, принадлежащие самому отродью, угрожающий выплеснуться за край и останавливаемый только сетью печати Намиказе. Его чакра была похожа на патоку — густую, медленную и тяжёлую, слишком плотно сжатую в этой слишком маленькой системе. Почти чистый Янь для кураминоного Инь. Две стороны одной монеты. — Смотри, чувствуешь это?

Отродье кивнуло, пристально прищулив глаза.

Курама разжал свои пальцы.

— Теперь сосредоточься и тяни.

Десять минут спустя первый лист бумаги взорвался.

Треск, короткое хлоп — и Курама поднял голову, чтобы увидеть, как бумага распадается на ветру. Некоторые кусочки светились оранжевым по краям. Они быстро погасли, превратившись в хлопья пепла и чёрной сажи.

— О, круто, — воскликнуло отродье.

— Предполагается, что ты заставишь её прилипнуть, — подчёркнуто сказал Курама.

— Ага, ага, — равнодушно сказала отродье. Его глаза были нацелены на остатки рассеивающегося пепла.

Следующие полчаса были наполнены трещащими хлопками и полуобгоревшими клочками, которые пахли чакра-огнём и пеплом. Курама оглядел растущую кучу изувеченной бумаги, затолкнутую под колено отродья, пополняемую новым листом каждый раз, когда кошмарный контроль сталкивался с тонкой поверхностью.

Ну, по крайней мере он смог вытянуть чакру из своего тела. Или вроде того. Результат не заслуживал высоких оценок. Новорожденные призывы, как знал Курама, могли делать это лучше чисто инстинктивно.

Он подумал насчёт того, чтобы поправить это. Помочь. Честное слово, на это было жалко

смотреть. Чакра Курамы была в венах мальчишки, а чакра Курамы, какой бы темпераментной, непокорной и кипящей она ни была, будет слушаться свою вторую половину — даже с ослабшей связью. Но нет, это не было целью данного начинания. По крайней мере, не в данный момент. Отродью требовалось некое подобие контроля — это было необходимо для работы плана — но ему не требовалось, чтобы он был идеальным, или хотя бы на световой год близким к идеальному. Курама сомневался, что отродье подошло хотя бы близко к этому, даже если бы оно прожило до конца своего естественного жизненного срока. Чакра могла хорошо усвоиться с тех пор как родился Курама, но она не была предназначена для человеческих рук.

Чакра хвостатого зверя, закованная в цепи и униженная, обычно убивала.

Кураме просто было нужно, чтобы отродье умело ходить по стенам. Это было вершиной необходимого контроля — способность до определённой степени придавать чакре форму, поскольку сам Курама определённо не обладал резервами, достаточными для исполнения необходимых ему техник. Честно говоря, он бы предпочёл, чтобы отродье вообще не заходило дальше.

И у Курамы было время на это.

Правда, у него не было настолько много времени, поскольку человеческие ошибки не собирались исчезнуть по его желанию, и неважно, сколько он их проклинал. Но его было достаточно. Достаточно, чтобы давать этот урок медленно и понемногу.

И, что самое важное, пока малец будет кувыркаться от радости от этого свежего восхитительного новшества, Курама будет наконец способен поспать.

Он поднялся, чтобы уйти. Время от времени отродье имело периоды сосредоточенности, когда что-то "крутое и здоровское" привлекало его внимание. Курама дал бы этому неделю — отродью нравились светящиеся огненные штуки — может быть больше, если оно продвинется к прилипанию вместо просто... сжигания.

Странице девятой, а может быть девятнадцатой хватило наглости прилететь ему в лицо, пока она тлела. Курама, смотря на неё с негодованием, с треском отодрал её от своего лица, а отродье просто рассмеялось.

Щенок был склонен пропадать в марте и мае.

В марте — когда шли дожди, и в мае, как раз тогда, когда тепло просачивалось сквозь начало весны и лето опускалось на Коноху вместе с торговцами и дымкой пыли. Это происходило раз за разом. В течение пяти лет. В некоторые года он исчезал ещё в начале февраля, прямо

перед тем, как начинал таять снег, растягивая своё время вдаль до позднего мая. В некоторые года он заглядывал в апреле. В некоторые года он вовсе не появлялся до самого июня.

Возвращаясь, малец пах так, словно он повалялся в кровавой бане. Из-под его брони всегда несло гнилью и больничным антисептиком, пропитавшим его бинты; его чакра была истощённым, свернувшимся месивом, от которого Кураме хотелось плевать. Это было источником раздражения, когда Кураме было два, неудобством, когда ему было три, а когда ему было четыре, Щенок вернулся в приют в середине марта с запахом крови под ногтями и этим трижды проклятым Шаринганом, который пульсировал — кружащаяся рябь чакры, которую Курама чувствовал слишком остро, даже когда комната и две маски скрывали лицо Щенка, знакомая и ужасная — кровавые луны, вишнёвые глаза, чёрный огонь — и Курама, в равной степени в ужасе и ярости, от которых он был готов выскочить из собственной шкуры, хотел просто вырвать эту тупую штуку из глазницы Щенка и раздавить её.

Демонстрируя удивительную чуткость, Щенок едва задержался на тридцать секунд, прежде чем снова уйти. Он не вернулся обратно до мая. От него снова несло озоном и чакра-истощением, но Шаринган был сдержан. Закрыт. Спал, как ему и было положено.

Щенок не был одним из рода Индры. Его глаз был пересажен. У него не было Мангекё.

Кураме пришлось напоминать себе об этом. Это была... подозрительная реакция. На секунду он руководился одними лишь инстинктами.

Но опять же, не то чтобы Курама встречался с большим количеством учиховских глаз со времён той катастрофы. Может быть, это был просто писк эволюционных тревог его оболочки. Подозрения или нет, он не собирался гулять рядом с этими красными вертушками, пока он не станет больше и не будет готов выжечь их из этой вселенной. Это был просто здравый смысл.

В своё свободное время Курама занимался выпечкой.

Середина марта означала, что последний раз Щенок появлялся две недели назад, с тех пор не показываясь даже мельком — предположительно, он выполнял миссии. Часть Курамы вздыхала с облегчением. Связанные с Шаринганом приступы не были продуктивными — если бы Курама действительно попытался вырвать глаз Щенка, постепенно снижающееся число наблюдателей определённо бы увеличилось. Другая часть Курамы, как обычно, пребывала в раздражении. У Щенка было достаточно здравого смысла, чтобы передать обязанность по доставке еды на кого-то другого на то время, пока он будет отсутствовать, но этот "кто-то" предпочитал овощи вместо торта.

Курама не предпочитал овощи.

Так что он пёк.

Он не был так великолепен в этом. Плита всё ещё была расположена слишком высоко, даже со стулом. Смешивание теста было тяжёлым и утомительными для его крошечных детских мускулов. Перепоручить эту задачу тоже было нельзя, поскольку продолжительность концентрации внимания отродья оставалась такой же, как у комара, для девяноста процентов занятий — включая это. Его первый торт получился комковатым и слишком твёрдым. Он отдал его отродью, позволяя тому со вкусом его уничтожить. Курама, с мукой на щеке, прищурился на инструкции, написанные на обороте смеси для теста. Потом он пошёл и достал из библиотеки две поваренные книги, включая "Руководство начинающего по кухонному словарю".

Судя по всему, печь требовалось предварительно разогреть. Или вроде того.

Снаружи лило — погода сезона дождей. Лёгкая морось. Ливни, проглатывающие улицы. Солнечный душ по утрам, когда роса ещё не успела испариться. Когда погода стала лучше, Курама замотался в свой свитер и хорошие сандалии и отправился наружу, подхватив блокнот под локоть. Он шёл по краям задних дворов и сумасшедших зигзагов веревок с развешанным для сушки бельём и электрокабелей, растянутых по деревне. "Я делаю карту," — сообщил он отродью — ошибка, которая тут же вызвала пятичасовой рывок, протянутый через два с половиной района, чтобы увидеть "Все хорошие места Рама дай я покажу — о эй там злой кот!", и усталое возвращение назад в шесть вечера, пропахнув гнилыми фруктами. Курама запихнул отродье в ванную. Там были разные блестящие розовые соли для ванны на выбор.

Тем не менее, когда не нужно было учитывать вмешательство личинки, март был хорошим месяцем для записей. Щенок всегда был самым внимательным из его наблюдателей.

Когда с неба капало, однако, Курама оставался внутри. Он сидел на балконе с источающей пар кружкой горячего молока, достаточно близко, чтобы слышать барабанную дробь дождя по крышам и металлическим трубам, но достаточно далеко, чтобы не оказаться задетым им.

— Ты похож на старика, когда просто сидишь здесь, — вставило отродье, но всё равно присоединилось. Оно украло остатки кураминого молока, пачкая белым уголки своего рта, и Курама чуть-чуть приоткрыл свои глаза и сказал крайне сухо:

— Я весьма наслаждаюсь своей старостью, спасибо.

Он приподнял голову и слушал.

Они пели — небо и земля. Мягкие, высокие, возвышенные ноты, что звенели так отлично от их обычных гулких басов. Нити белого и бледно-голубого изгибались на внутренней стороне век Курамы, переплетённые с суглинистым зелёно-золотым земляной чакры — словно отражения солнечных лучей на воде. Внизу рокотала земля. От камней стен квартиры и вниз бежала тонкая дрожь — в земную кору, в лаву мантии, до самого бьющегося ядра расплавленного сердца этой планеты. Курама всегда мог их чувствовать — это были его элементы, он весь,

только без сознания. Огонь и жар, сжатые до такой степени, что они могли двигать тектонические плиты, кипение и остывание течений, по сантиметру порождающих скальные гряды — сила, которая могла поднимать острова и хоронить горы.

Отродье нависло над его плечом. Курама почувствовал, как тонкие волоски щекочут его щеку. Случайные капли воды щёлкали его по носу, его голым голеним, и отродье зевнуло и опустило свою голову на основание шеи Курамы, перевешиваясь через спинку стула, и пробормотало:

— Знаешь, может быть, твои волосы должны были быть голубыми.

— Я совсем не хочу знать, что творится в твоей голове, — сказал ему Курама, не открывая глаз.

Вода не была элементом Курамы, но огонь не был тем, что он мог достать. В эти дни между ними было слишком много слоёв. Вода была другим созданием — Исобы и Сайкена. Она шептала. Она уговаривала. Она выплёскивалась в грозы и цунами. Для Курамы она была остатком старых лет, когда биджу были одним, полотном сине-зелёно-серебряной песни флейты. Когда шёл дождь, он позволял себе утонуть. Он закрывал свои уши и закрывал свои глаза. Вода наполняла его голову доверху, превращала его мысли в далёкий белый шум, словно он слушал мир через раковину моллюска.

Это делало его мягче и тише. Почти щедрым в хорошие дни. Тихими вечерами он обнаруживал себя напевающим под барабаны дождя — о каменщиках, о первой жатве риса, о цветении сакуры весной. Старые, изношенные, знакомые песни. В своё время Отец делал то же самое, несмотря на то, что он был ужасен в пении — ни малейшего музыкального слуха. Это было тем, что делала его мать.

— Когда я и мой брат были маленькими, мы были, — и выражение лица Отца в этот момент всегда становилось печальным. — Ну, не образцовыми детьми. Это был единственный способ, которым она могла заставить нас вести себя прилично, — она не была плохой матерью, объяснял Хагоромо, несмотря на её аморальные поступки. И кроме того, любовь не смыть так легко, неважно, насколько сильно тебе хотелось этого.

Спустя две недели с начала апреля в Академии был выходной — празднование в честь основания этой проклятой деревни. Тогда Курама завершил свой первый приличный торт — лимонно-шоколадный, покрытый масляным кремом и украшенный посыпкой в форме звёздочек и половинками клубники, расположенными ровным кругом. Отродье умудрилось заставить свою бумагу прилипнуть на целые двадцать секунд, прежде чем она исчезла в пламени. Оно отпраздновало это улюлюканьем и странным танцем, после чего не смогло повторить результат в течение следующих трёх дней. Спустя полчаса умоляющего нытья с просьбами: "Ра-а-ама-а-а, дай мне что-нибудь другое, это тупо", Курама зашёл на стену, прошёл через потолок гостиной, после чего спустился с противоположной стороны. Его крошечные резервы начали жаловаться. Ему пришлось тяжело сесть и передохнуть, скрипя зубами от неожиданного приступа головокружения, но, по крайней мере, отродье перестало ныть.

Оно перестало ныть, после чего попыталось взойти на стену. Оно упало, разумеется — его

контроль чакры был чудовищен — но, к сожалению, это его не отпугнуло. К концу дня в штукатурке были видны заметные следы. Курама кинул свой (пустой) блокнот в пушистые светлые волосы, хмурясь.

— Иди наружу, там деревья не просто так стоят.

— Не могу подняться выше, чем на два шага, — горевало отродье, возвращаясь назад к ужину с листьями в волосах и грязью под ногтями.

На ужин был рамен — или, по крайней мере, на ужин отродья. Курама предпочитал рис и куриное терияки. Кроме того, торт закончил своё длительное пребывание в холодильнике и был готов к поглощению. Он ткнул своими палочками в противоположную сторону низкого столика.

— Тебе нужно, чтобы бумага держалась самое меньшее десять минут.

Дождь наконец-то закончился к концу апреля, отступая, чтобы дать место для нового роста. Свежесть висела в воздухе — резкая, сладкая и зелёная. Переплетающиеся лозы плюща поднялись по восточной стороне квартиры, упорно цепляясь за пепельно-серую кирпичную кладку. Вода утекла с улиц в канализацию, оставляя дороги сухими. Раскрылись новые листья.

Визиты Человека-Обезьяны всё ещё продолжались — каждые две недели утром воскресенья. Чаще всего они отправлялись за раменом или якинику в один из принадлежащих Акимичи ресторанов. Курама наблюдал за шипением мяса на гриле, слушая знакомую болтовню отродья. Человек-Обезьяна с нежностью посмотрел на блондина, прежде чем повернуться к Кураме и отметить:

— Ты не посещаешь свои занятия.

— Я не хочу, — сказал Курама, что не было неправдой — хотя глубокое, ужасное отвращение куда лучше описывало его отношение к этой теме. — И там скучно, — он отправил кусок говядины в свой рот. Человек-Обезьяна издал понимающий звук.

Теперь, когда отродье было до определённой степени умиротворено с помощью хождения по стенам и базовых объяснений о чакре (хотя он был настолько умиротворён — они всё ещё спорили по утрам, но это было чем-то, что происходило через раз, вместо того, чтобы быть вытащи-своего-брата-наружу-в-восемь-утра чем-то), у Курамы не было никаких причин появляться на занятиях. Отродье пиналось и дулось, разумеется, но оно осознало нужду Курамы заниматься своими "Исследованиями супер классных дзюцу" в других местах. Торты помогали. Обеды тоже помогали. Яйца, рыба и рис не были чудом кулинарной мысли, неважно что думало отродье, но если Курама собирал ему с собой достаточное количество, отродье покидало квартиру с удивительной грацией (то есть с хлопком двери и приглушённым "спасибо РАМА", брошенным через половину лестничного пролёта одновременно с выхлёбыванием остатков мисо супа).

— Тебе бы хотелось закончить класс экстерном, Менма-кун? — сказал Человек-Обезьяна. — Я понимаю, что теоретические знания не становятся стимулирующими до третьего года, — он сделал паузу. — Хотя над твоими физическими навыками ещё стоит поработать, если ты действительно настолько скучаешь...

— Нет, — сказал Курама с максимально возможной яростью. Отродье резко прекратило есть, замерев с палочками для еды, зависшими на полпути между грилем и его ртом.

— Но ты не удовлетворён своими текущими уроками, — отметил Человек-Обезьяна тоном, говорящим, что он пытается быть очень благоразумным.

Это технически был разговор, который Курама давно ожидал. Просто — не прямо сейчас. Май, однако, означал, что семестр был почти завершён — ему стоило этого ожидать. Курама заскрипел зубами, подумал о своём организованном перечне веских аргументов, и каким-то образом тем, что вылетело из его идиотского детского рта, оказалось процеженное сквозь зубы:

— Я не хочу.

Человек-Обезьяна не выглядел ни в малейшей степени удивлённым.

— Быть ниндзя?

Ебучие слова. Курама очень, очень старательно попытался вспомнить пункты списка.

— Нет. Я имею в виду да. Я имею в виду... это не ужасно, быть ниндзя, — это прозвучало не особенно убедительно. Маленькие жертвы, напомнил он себе.

Он потыкал свою еду палочками и сфокусировался на воспоминаниях об отродье в моменты, когда оно был подавлено или в чём-то виновато. Лицо нахмуренное — не сложно. Глаза опустить — так что лучше не смотреть на Человека-Обезьяну, посылая ему мысли о резне. Чакра приглушённая и дёрганная, что было одновременно проще и тяжелее всего. На секунду Кураме пришлось бороться с ней, говорить ей успокоиться, вместо того, чтобы вспыхнуть.

— Но просто в... — глупой машине по производству ниндзя, — академии... нет смысла. Учителя дерьмо и не учат. Никто не подходит ближе, чем на пять метров ко мне или идиоту. Это делает всё бессмысленным.

Помни отродье, повторял он про себя и дёрнул подбородком, копируя упрямое неповиновение отродья. Он поймал взгляд Человека-Обезьяны и начал считать до четырёх, пяти... Выбор времени был важнее всего.

И тогда выскочило отродье.

— Ага! И вообще, Рама умнее, чем все остальные из тех людей вместе взятых! Он может ходить по стенам.

Оно выглядело очень довольным собой за это вмешательство. Курама с трудом подавил инстинктивное желание броситься на него и попытался превратить свой оскал во что-то менее убийственное. Это было неважно. АНБУ знали об этом. О нём уже доложили.

Он будет вне этой деревни, прежде чем они объединят его действия во что-то конкретное.

— Твои беспокойства имеют смысл, Менма-кун, — сказал Человек-Обезьяна. — Я надеюсь, однако, что если об этих запросах позаботятся, то ты будешь стараться сильнее в следующем учебном году.

Кураму ни хрена не волновало, будет что-то сделано с этими проблемами или нет. Они имели смысл, потому что Человек-Обезьяна не был идиотом. Но, как ни крути, Академия в ближайшее время его привлекать не будет.

Он мысленно досчитал до пяти. Потом он приподнял своё лицо на несколько градусов и сказал неохотное:

— Может быть.

Человек-Обезьяна может додумывать из этого, что хочет.

— Погоди, — сказала отродье тоном человека, до которого наконец начинает доходить. Он ткнул своими палочками для еды в сторону Человека-Обезьяны. — Ты что-нить сделаешь с вонючкой Хидеки?

Взгляд Человека-Обезьяны на мгновение метнулся к его чаю. Он вздохнул.

— Будь более уважителен к своему учителю, Наруто.

Что было, более или менее, сигналом к тому, чтобы отродье начало обличительную речь всех недостатков Хидеки, начиная с "его причёска глупая" и "он снял три балла с моей контрольной по математике за оформление. Оформление!". Отродье говорило и жевало одновременно, Человек-Обезьяна согласно кивал и издавал заинтересованные звуки в подходящих местах, чтобы подтолкнуть его к запутанным отступлениям. Напряжение сдулось, как дырявый воздушный шар.

Курама сделал осторожный вдох, выдох и отправил нежный кусочек рёбрышка себе в рот.

Он проводил много времени в библиотеке.

Курама не мог попасть в закрытые секции, что хотя и не было необходимо, могло бы быть полезным. Но это было успокаивающее место. Уютное. Тихое. Оно пахло старой бумагой, деревом и пылью, и ранними утрами и вечерами солнце сверкало сквозь высокие окна и покрывало всё позолотой.

Темы, открытые общей публике, были разнообразными. После нескольких быстрых дней осторожного проглядывания — нет, никаких упоминаний хвостатых зверей и определено никаких упоминаний его имени — Курама избегал отдела исторических книг изо всех сил. Он не думал, что оно там будет. Прошли века и века с тех пор, как он последний раз кому-то его говорил — он не был Шукаку. Даже первые дни тысячелетия, когда он всё ещё очищал леса и помогал бедным возвращать свои урожаи согласно заветам, люди звали его Господин Девятихвостый, не Курама.

Но — просто чтобы быть уверенным. Не было причин для небрежности, когда речь заходила о мерах безопасности.

Тогда он положил обратно беспорядок, в который он превратил стеллаж с книгами по истории, повернулся на пятках и решил никогда больше к этому не возвращаться. Люди с трудом могли вести нормальную хронику событий, случившихся при их жизни, не говоря уж о том, что случилось за столетия до этого. Их записи только подтверждали это. К тому моменту, как Курама закончил, у него болела голова от того, как сильно он скрипел зубами.

Мифы, однако, придавали ему комфорт.

Они лежали в секции с детскими книгами, два стоящих спиной к спине стеллажа со свитками и ламинированными страницами. Некоторые из них были новыми — "дюймовый мальчик Кинтаро" — но большая часть была историями, на которых Курама вырос, вне зависимости от изменений в изложении или иллюстрациях. Он знал "Старика Ханасаку" и "Урашиму Таро" наизусть, а "Путешествие на Запад" пробуждало воспоминания о невыносимых рассказах Сон Гоку возле яркого костра — образ Короля Обезьян был отчасти взят с него.

Курама был на середине новой версии "Истории о резчике бамбука", когда — вспышка знакомой сигнатуры чакры, шарканье изношенных сандалий по дереву.

— Что? — спросил он, не поднимая головы. Тело приземлилось рядом с ним. Смешиваясь со старым деревом, появился запах грязи и чего-то резкого и едкого — какого-то рода клей. Курама страстно надеялся, что отродье не будет опять покрыто блёстками. Детские розыгрыши были детскими, и, кроме того, на избавление от блёсток требовалась вечность времени.

— Ничего, — мрачно пробормотало отродье.

— Хм-м, — сказал Курама.

Он глянул на отродье уголком глаза. Никаких блёсток, но его плечи были опущены, а колени прижаты к груди. Оно выковыривало грязь из-под ногтей с выражением полной сосредоточенности на лице. Его рот был сжат в тонкую прямую линию. Его чакра щекотала скальп Курамы грустным облаком.

Прошло примерно десять секунд тишины, прежде чем отродье не выдержало.

— Генкай, — сказала оно тихо. Курама не имел ни малейшего понятия, кто это был. — У него... у него был день рождения сегодня. Он принёс кексы. Такие, с посыпкой, с шоколадной глазурью, — с этого момента слова набрали скорость. — И мне достался только один, хотя остальные получили по два, и я уже склеил тетрадки Генкай и Вонючки Хидеки намертво, потому что они были тупыми и злыми и это так... — оно со стуком закрыло свой рот. Его плечи напряглись сильнее, зубы вцепились в нижнюю губу, прежде чем оно резко сказала:

— Его ма и па забрали его потом. У входных ворот. И у его ма был большущий торт в руке, и он был такой красивый с цветами и всем, и он вернулся с этими пригла-при... приглашениями и передал их всем в классе, кроме меня, и сказал, что все могут придти на его вечеринку в эту Субботу, и я спросил "где моё тогда", и он сказал, что ему больше не разрешают со мной играть, и я никогда не получаю приглашений, и это мало что значит, когда это девочки, потому что они всё равно никогда никого не приглашают, но у Юзу был день рождения в Феврале, а у Коске был в прошлом месяце, и почему мненикогданедают...

Его лицо было красным и оно тяжело дышало, впиваясь пальцами в ткань своих шорт. Тонкие плечи выдавили ещё один вздох. Отродье открыло свой рот, чтобы продолжить, сумело выдать из себя только неразборчивый хрип-писк ярости, после чего уронило свою голову назад, оперев её на книжную полку.

Курама очень медленно отложил свою книгу в сторону. Это не было ситуацией, к которой он был готов, которая его действительно волновала, или с которой он хотел разобраться.

Он задумался над тем, может ли он просто её проигнорировать. Вероятно, нет.

Отродье сглотнуло.

Оно издало — звук. Всхлипывающий звук. Такой, какой люди издают, когда пытаются дышать через заложенный нос. Костяшки его пальцев были белыми — его руки не дрожали от того, как сильно они были сжаты. И, ух, Курама знал все эти признаки. Курама решительно смотрел вверх. Он всегда делал это, когда был в таком состоянии, как будто если бы он пытался достаточно сильно, потолок спрячет его слёзы или солнце сожжёт их.

— Я сделаю тебе торт, — сказал Курама. Не плачь, попытался передать он чистой силой воли. Его потрёпанные барабанные перепонки всё ещё помнили младенческие годы отродья.

— Это не то же самое, — несчастно сказала отродье.

— Мой торт лучше, чем их торт.

— Это не то же самое, — повторило отродье. — Это не — никто не ест... — он надул свои щёки. Его голос только чуть-чуть дрогнул — слабый, колеблющийся и упрямый, — У них есть вечеринки.

Курама попытался понять, к чему именно это всё было. Он не был должен с этим разбираться, за исключением, видимо, тех случаев, когда он всё-таки был должен. Чёрт.

— У тебя тоже есть вечеринки.

— Три человека это не вечеринка.

— И... Поэтому ты бросаешься в глупую хандру.

— Нет, — сказала отродье тоном, который чётко говорил да.

— Угум, — пробормотал Курама.

Отродье издало расстроенный звук.

— Нет — я имею в виду, — оно затихло. Оно всё ещё не повернулось, продолжая пялиться в потолок. — Я ненавижу — я не понимаю, почему все остальные — я не понимаю, — и наконец грустно выпалил. — Это нечестно.

Курама мог бы рассмеяться.

— Так всегда.

Он не был уверен, что случилось. Просто в один момент появилась — чакра. Чакра, которая шипела и кипела под кожей отродья. А потом плечи Курамы оказались в стальной хватке, а отродье кричало ему в лицо, как сумасшедшее.

— Но не так! — его голос треснул на первом слоге, ломаясь, словно тонкий лёд. Его рот, сжатый в дрожащую линию, был повернут набок. Курама уставился на него. — Есть — есть другие. Другие сироты. Пять из них в моём классе! Киё и Нао, и Казуки, и — и — и никого из них не игнорируют взрослые, и все из них попали на глупую вечеринку Генкая, и даже если у них нет родителей — даже если — даже если нет кого-то, кто должен, — его голос прервался, а потом он вздохнул сквозь зубы и очень тихо сказал. — У нас нет мамы и папы.

Руки на плечах Курамы медленно разжались. Отродье облокотилось на спинку книжного шкафа, как марионетка с обрезанными нитями, сдуваясь.

Оно повторило, звуча слишком тихо:

— У нас нет мамы или папы.

Курама закрыл глаза. И как так вышло, что он должен с этим разбираться.

— У тебя есть родители.

— Нет, у нас нет, — пробубнило отродье.

— У тебя были родители.

Он бы многое отдал за то, чтобы Узумаки Кушина и Намиказе Минато никогда не существовали — но факт оставался фактом.

— Это то, как работает человеческое продолжение рода.

В темноте за его веками появились непрошенные картины. Десятое октября и паутина печатей Намиказе, бегущая чернильными линиями по боку Курамы. Кушина и двадцать лет в цепях. Достаточно плохо, что идиотское лицо Намиказе застряло на этой горе. Достаточно плохо, что они называли его Узумаки Менма.

Он почувствовал как отродье дёрнулось.

— Не-а, — сказала оно упрямым голосом.

— Да.

— Не-а.

— Я не буду играть в эту игру, — предупреждающим тоном сказал Курама.

— Не-а, — сказала отродье, и Курама был готов толкнуть его прочь во вспышке гнева, когда оно первым вскочило на ноги. Плечи расправлены. Ноги твёрдо стоят на земле. Оно нависало — так сильно, как мог нависать слишком тощий пятилетка с дрожащими губами, не до конца удерживающийся от того, чтобы не заплакать. — Нет, у нас не было! — на его лице была видна ярость. — Если бы они были, то где они? Они тоже нас не хотели?

И Курама...

На мгновение осталось лишь десятое октября.

Намиказе одной светлой чертой в горящей ночи, в двух ручных печатях от призыва Шинигами. Кушина, говорящая: "И тебе никогда не освободиться". Годы и годы назад её глаза сияли прямо как сейчас, изображения накладывались, и, прежде чем он смог себя остановить, из рта Курамы вырвалось резкое, злое:

— Мертвы.

Они оба замолчали одновременно.

— Что? — моргнуло отродье. Слеза соскользнула по его щеке, но его тон был сбитым с толку, вместо яростного. Потом его глаза сузились. — И откуда ты знаешь?

Потому что я был там, не сказал вслух Курама. Он вцепился в свою книгу сильнее. Гнев делал мутные вещи с его головой, ненужные вещи. Отсутствие связи между нейронами его пятилетней бесполезной оболочки уже позволило появиться чему-то, чему определённо не стоило появляться. Ему определённо не стоило добавлять что-то в духе:

— Конечно, они мертвы. Из-за этого ты жив. Что именно по-твоему случилось десятого октября...

Курама укусил свой язык. Сильно.

Слишком поздно.

Отродье смотрело на него широко раскрытыми глазами.

— Что? Что ты... Это наш день рождения, разве нет?

— Нет, — сказал Курама, рот которого всё ещё двигался без его разрешения. — Да. Аргх... Блять. Я просто заткнусь. Как и ты. Сейчас мы оба заткнёмся.

— Что? Нет! Что случилось! Скажи мне!

Курама почувствовал, как скрипят его зубы от силы, которая требовалась, чтобы удерживать его рот закрытым.

Отродье потянулось и вцепилось руками в перед футболки Курамы. И затрясло его.

— Скажи мне! — закричало оно, непонимание, смытое прочь ради вспышки ярости, и Курама убрал руки отродья прочь и сказал, едва сдерживаясь:

— Какая разница. Они всё равно мертвы!

— Мне плевать! — закричало отродье. — Мне плевать, что они мертвы. Мне плевать, если они не хотели нас. Мне плевать, мне плевать, мне плевать! Если ты что-то знаешь, ты должен мне рассказать, ты должен — наши родители. Я должен— м-мф.

— Заткнись заткнись заткнись! — прорычал Курама.

Рука поверх рта отродья. Зубы, кусающие собственную щёку. Ебучие слова. Ебучее отродье. Его сердце бешено билось в груди, и всё, что мог чувствовать Курама, кроме своей ярости, была ужасная паника, чувства, дико прочёсывающие окрестности, чтобы найти...

Ни единого АНБУ в библиотеке. Не внутри, по крайней мере. Детская секция — покинута. Вся задняя часть библиотеки пуста, за исключением нескольких пустых проблесков. Никаких свидетелей.

Отродье ткнуло локтем в его рёбра.

— М-МРГХ-Х-Х, — и Курама дёрнулся назад, давая отродью достаточно времени, чтобы освободить себя и продолжить. — Что-то важное случилось и ты можешь, но не скажешь мне, что...

— Нападение Кьюби, — прошипел Курама.

Говорить было всё равно, что вытаскивать бетон из-под своих зубов.

Но слова хорошо послужили задуманной цели, потому что отродье наконец-то, наконец-то заткнулось к чёртовой матери.

Он улыбнулся. Это была тонкая бледная линия его рта — Курама никогда не улыбался — и наблюдал за тем, как отродье передёрнулось.

— Десятое октября, шесть лет назад атаковал Кьюби. Фестиваль в этой деревне не просто так, недоумок, — и каждый инстинкт в его костях кричал неправильно неправильно неправильно — он выложил на стол слишком много карт. Пять лет здесь, однако, научили Кураму, что иногда слушать свои инстинкты было на самом деле не лучшей идеей. Ему нужно было думать рационально. К тому же, либо так, либо отродье бежит вокруг и кричит во все свои тупые лёгкие, требуя ответ — любой ответ — и Курама ни в коем случае не мог себе этого позволить. — Твои родители умерли и запечатали лиса в нас.

Шансы, что кто-то на самом деле расскажет отродью, были крайне малы. Какой бы закон они ни имели против этого, он работал в пользу Курамы. Но если Человек-Обезьяна наконец решит действовать и рассказать отродью правду — части правды, которые люди думали, что знали — или, ещё хуже, про Намиказе и Кушину, результат мог стать катастрофическим. Лучше рассказать её самому, частями и кусочками, которые он мог регулировать.

Оно вообще никогда не должно было узнать. Ебучий рот пятилетки. Курама улыбнулся — обнажённые зубы, оскал.

Отродье уставилось на него. Его руки отпустили футболку Курамы.

— Четвёртый — Четвёртый убил лиса, — сказала оно.

Курама не засмеялся — но это было близко.

— Четвёртый мог бы попробовать, — и слова вырвались наружу слишком злыми, спотыкающимися друг о друга — дамба, которая не должна была сломаться, трескалась. — Хвостатые звери — это конструкторы из чакры. Они не могут быть убиты. Так что он сделал лучшее из того, что мог и разделил лиса надвое и запечатал его, — он помнил: размытые здания, резко рвущееся естество. Он должен был убить Узумаки Кушину первой, но где бы это оставило его — навечно запечатанным в желудке Шинигами?

— Это не, — начало отродье и запнулось. Его лицо побелело, а глаза выпучились. Оно больше не кричало.

Бумага согнулась, корешок пугающе скрипнул в хватке Курамы. Глубокий вдох, и он начал яростно бороться со своей вспыльчивостью.

— Что значит это не. Ты был тем, кто хотел знать.

— Это не может быть...

Курама опустил одну ладонь на руку отродья, на полпути до его футболки, сжимая изо всех сил. Отпусти.

— Тогда почему, скажи мне, по-твоему, все так смотрят на тебя.

— Я... — его голос был тихим, напуганным. Оно открыло свой рот. Ни единого звука не вырвалось наружу. Оно закрыло его.

Оно смотрело на Кураму без единого движения.

Наконец, оно выдавило:

— Он... он убивал людей. Лис.

— Да.

Отродье вздрогнуло, передёрнулось всем телом, и наконец оторвало свои глаза от Курамы, чтобы опустить взгляд на свои руки. Ногти были обкусаны, под ними скопилась грязь.

Очень тихо оно спросило:

— Мы... убивали людей?

Курама скосил на него глаза.

— Нет.

Не поднимая взгляда, отродье сказала хриплым шёпотом:

— Но... мы — это лис?

— Что, — сказал Курама.

...за фигня?

А потом факты сложились в цепочку, нейроны зажглись, и он издал полный отвращения звук.

— Как ты вообще пришёл к этому выводу из... Я сказал, что он запечатал лиса. Не что он магически превратил лиса в маленьких людей, — это всё было работой Кушины, и Кураме нужно было прекращать говорить, прежде чем он подаст ещё больше идей. — Чакра... — ну, не то чтобы это не было достаточно общедоступным знанием. — Может быть запечатана. Он запечатал лиса.

Это было не совсем правдой.

— Значит мы — не лис? — сказала отродье с надеждой, словно вопрос. Как будто он мог слышаться.

— Нет, — фыркнул Курама.

— Но у нас... внутри лис? — с волнением спросило отродье.

— Как яйцо в свином рамене, — мрачно сказал Курама.

— Ох, — его чакра пошатнулась, превращаясь из туманно-обнаждённой опять в контужено-опущенную. Его голос подрагивал. — Ох, это поэтому — взрослые?

— Хм-м.

— Ох, — сказала оно опять, очень тихо. — Поэтому... — он резко поднял голову, отвлечённый.
— Погоди. Почему... Что насчёт — Старика, — он замер. Его кадык задвигался, когда он тяжело сглотнул. — Если все знают, тогда Старик Хокаге...

Курама вставил ровным тоном:

— Определённо тоже знает. Очевидно.

Отродье посмотрело на Кураму так, словно он мог обратить время вспять, чтобы последние десять минут их разговора никогда не происходили — бледное и поражённое.

— Он не мог. Почему он не рассказал нам?

— Откуда чёрт возьми я должен знать?

— Ты знаешь всё, — сказала отродье и продолжило с отчаянием. — Или... или Старик Теучи, или Пёс, или... Кто угодно, — оно затихло. Оно пробурчало под нос, так тихо, что звук едва покинул его рот: "Никто не рассказал нам," и его чакра задрожала и закрылась, трясясь, пока он заламывал свои руки.

У Курамы не было ни малейшего представления, что происходило в голове у Человека-Обезьяны, но у него был заранее заготовленный ответ. Который ему требовалось вдолбить в толстый череп отродья, чтобы он не побежал к Человеку-Обезьяне или Щенку или кому угодно, кто мог рассказать о Кураме — то есть к кому угодно.

— Есть закон, — сказал он, — Разглашение секрета об атаке Кьюби, — не то чтобы это был особенный секрет, — наказывается смертью. Никто из тех, кто знает, не должен рассказывать никому ещё.

У Курамы не было ни малейшего представления о том, чем это на самом деле наказывалось. Он, однако, видел казни. Ниндзя их, похоже, любили.

— ...Ох, — сказала отродье, глядя на него слишком большими глазами.

Курама приподнял отродье за воротник и прошипел:

— Так что не говори никому.

Отродье продолжило пялиться.

А потом его кулаки сжались.

Курама был весьма уверен в том, какой будет реакция отродья, и насилие не было вверху списка. Тревога длилась две секунды, а потом он едва мог дышать из-за рук, сжатых в удушающий захват вокруг его шеи. Нос отродья упирался в его ключицу.

— Я не дам им, — говорило отродье — голос придушенный и гневный. — Я не дам им, я не дам им.

Курама едва сумел выдавить сдавленное: "Что?" сквозь давление на свою трахею, чувствуя слишком острые локти отродья, впивающиеся в его спину, чувствуя что-то горячее и мокрое, пропитывающее перед его футболки, прежде чем отродье продолжило болтать:

— Тебе не разрешено они не разрешили это никогда никогда никогда не случится...

Он не улавливал происходящего. Он повертел свои собственные слова в голове.

Слова "Никто из тех, кто знает, не должен рассказывать никому ещё".

Слова "Это наказывается смертью".

— Ах, — сказал Курама, всё ещё удерживаемый в захвате, и с осознанием пришло желание истерически рассмеяться. Потому что это то, что он сделал, рассказал, потому что конечно же отродье так это воспримет. Это было так глупо. Отродье было таким глупым. Какое право он имел таким быть, когда всё это сваливалось на Кураму.

Но его глаза были дикими и красными. Голубой расплывался, намокая, и его хватка была достаточно сильной, чтобы оставить синяки на плечах Курамы, когда оно прорычало:

— Я не дам им.

В конечном счёте отродье успокоилось.

Слёзы остановились. Перед футболки Курамы было уже невозможно спасти от смеси соплей, слёз и складок от грубого обращения. Отродье держалось за запястье Курамы. Оно не отпустило его с того момента, как последний кусочек словесного общения покинул его, оставив только смесь из плача и яростных царапающих звуков. Курама не имел ни малейшего представления, что с этим делать, так что он не делал ничего.

Теперь к отродью, по крайней мере, вернулся голос, пусть и хриплый.

— Что читаешь? — пробормотало оно.

Курама без слов помахал обложкой. Отродье изнеможённо моргнуло и прищурилось.

— Ка-Кагуя-химе? — он ткнул в изображение на ламинированной обложке. — Я думал, ты был всё ещё на том, который про обезьяну.

— Я покончил с Путешествием на Запад, — сказал Курама.

Отродье шмыгнуло и потёрло свой нос. Он был ярко-красным; рука отродья вернулась с соплём на рукаве.

— Правда? Оно мне нравилось.

— Тебе и всем остальным.

Повисла тишина. Курама классифицировал сигнатуры чакры. АНБУ на крышах. Несколько наблюдателей в более высоких секциях. Голова отродья тяжело упала на плечо Курамы — вес был почти знаком. Оно пахло грязью, солью из слёз, адреналином и ветром-огнём. Его дыхание щекотало челюсть Курамы.

— Эй, — сказала отродье.

Курама приложил усилия, чтобы не двигаться. Он чувствовал себя более уставшим, чем должен был.

— Да?

— Почитаешь мне?

— Почему?

Хватка на его запястье сжалась.

— Потому.

Курама посмотрел вниз на них — на пальцы. Розовые ногти. Розовые руки. Они были похожи на раковины гребешков или на горный гранит — такой, из которого Отец вырезал мандалы. Он использовал такие осторожные движения, когда вырезал. Тихие сч-сшик его ножа. Когда Ашура и Индра были маленькими, он дал им эти безделушки для сосредоточения, которые они держали осторожной хваткой, которой держат ценные, хрупкие вещи.

— Ладно, — сказал Курама. Он открыл книгу.

Он начал с начала.

— Давным-давно жил-был старый резчик бамбука. Он был очень беден, а так же печален, поскольку ни единого дитя Небеса не послали, чтобы скрасить его старость, и в его сердце не было надежды на то, чтобы отдохнуть от работы, прежде чем он умрёт и будет уложен в тихую могилу. Каждое утро он отправлялся в леса и холмы, где бамбук вздымал свои гибкие зелёные столбы к небу...

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1500783>